
ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК
И ОСНОВНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ,
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ НОРМИРОВАНИЯ.
ЧАСТЬ II¹

© 2018 г. Б. С. Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, Москва

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Поступила в редакцию 15.03.2018 г.

В данной части статьи обосновываются новые подходы к пониманию конституционных обязанностей, раскрываются их юридическая природа и функции, а также формы и способы индивидуализации.

Ключевые слова: конституционные обязанности, долг, необходимость, принуждение.

DOI: 10.31857/S013207690002075-4

Основные обязанности человека и гражданина являются конститутивной базовой частью Российского государства и составляют сущностную характеристику Конституции РФ. Соответственно, этим понятием обычно объединяют именно данную группу обязанностей, которые традиционно отыскивают в “статьях Конституции, специально посвященных только обязанностям граждан” или выводят их из “логической связи с соответствующими правами и свободами — как необходимость уважать их”, или обнаруживают в “статьях Конституции, закрепляющих обязанности совместно с правами”². Но и в том, и в другом, и в третьем случаях речь идет о позитивно закрепленных, т.е. сформулированных именно как предметные обременения

требованиях, обращенных к гражданину Конституцией.

Исходя из этого, в число конституционных обязанностей граждан Российской Федерации обычно включают, как правило, только соблюдение Конституции и законов, уважение прав и свобод других лиц, заботу о детях и нетрудоспособных родителях, получение основного общего образования, заботу о памятниках истории и культуры, уплату налогов и сборов, охрану природы и окружающей среды, защиту Отечества и воинскую обязанность.

Таким образом, для отечественного конституционализма характерно ограничительное понимание круга основных обязанностей; за пределами научного осмысления продолжают оставаться долг верности гражданина принципам демократии, как они провозглашены Основным Законом, обязанность поддержания гражданского мира и согласия, обязывающая сила собственности, обязанность участвовать в установленных законом формах в поддержании правопорядка и отправлении правосудия, а также обязанности-запреты и обязанности-ограничения. Однако и те конституционные обязанности, которые находятся в сфере внимания исследователей, зачастую интерпретируются в отрыве от

¹ Начало см.: Государство и право. 2018. № 3; 2018. № 4.

² Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2014. С. 801. Уместно отметить, что в цитируемом двухтомнике С.А. Авакьяна основным обязанностям посвящены неполные пять страниц; в учебнике М.В. Баглая, выдержавшем 11 изданий, — семь страниц (см.: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 11-е изд., изм. и доп. М., 2015); в двухтомнике Н.М. Добрынина — пять страниц (см.: Добрынин Н.М. Конституционное право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства: учеб.: в 2 т. Т. 1. Новосибирск, 2015).

Конституции, поскольку конституционно-правовая мысль вслед за общей теорией права во многом продолжает оставаться в плену понятийных представлений, сложившихся в науке частного права и обслуживающих ее потребности.

Как писал Н.Г. Александров, обязанность есть “мера должного поведения” обязанного лица³. “Мера должного поведения”, в которой “должное” означает юридическое долженствование, генетически выросшее из гражданского оборота, вполне достаточна для характеристики обязанностей между отдельными физическими и юридическими лицами; из нее следует, что носитель обязанности несет бремя соблюдения определенных норм поведения по отношению к отдельным лицам как носителям соответствующего субъективного права, что присуще частному праву, *но не обязывается к определенным правилам поведения вообще*, как это характерно для конституционного нормирования отношений государства и личности.

Острая нужда в выработке понятия обязанности, способного удовлетворить потребности публичного права или даже носить универсальный характер, привела к трактовке юридической обязанности как устанавливаемой нормами права “необходимости определенного поведения” или “совершения определенных действий или воздержания от действий”⁴. Именно эта категория оказалась востребована многими исследователями феномена обязанностей, в том числе С.С. Алексеевым, Н.В. Витруком, Л.Д. Воеводиным, В.А. Масленниковым, Б.М. Семенко и др.

В частности, Н.И. Матузов полагает, что “юридическая обязанность — вид и мера государственно целесообразного разумного, полезного, объективно обусловленного поведения, призванного внести порядок и умиротворение в жизнь”⁵. Дослов-

но повторяет это определение Ю.В. Барзилова⁶. “Государственно целесообразная необходимость должного поведения личности” составляет ядро определения конституционной обязанности, предлагаемого А.П. Пановым⁷. “Правило поведения, выражающее личные и общезначимые интересы и представляющее собой меру должного, общественно необходимого, а в некоторых случаях и возможного поведения гражданина”, — в этом видит сущность конституционной обязанности О.В. Кабакова⁸. Сознвая ограниченность исключительно позитивистской интерпретации конституционных обязанностей, Р.Р. Каримова в конечном счете трактует их как “должное действие, основанное на государственной необходимости и реализуемое на основании внутриличностной и (или) юридической ответственности или силой государственного принуждения”⁹. В качестве конституционного императива необходимого и должного поведения, установленного в интересах государства, общества и самой этой личности, исполнение которой обеспечивается закрепленными в отраслевом законодательстве государственно-правовыми санкциями на основе Конституции, определяет конституционную обязанность А.Р. Аюбян¹⁰. Э.А. Юнусов также считает, что методологически правильнее раскрывать понятие юридических обязанностей через категорию правовой необходимости¹¹. Словом, обобщает доминирующие представления Е.В. Гончарук, “не вызывает ни у кого сомнений”, что основные обязанности выражают “нужное с точки зрения государства, власти, закона поведение субъекта”¹².

⁶ См.: Барзилова Ю.В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 18.

⁷ См.: Панов А.П. Система конституционных обязанностей граждан Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 4.

⁸ См.: Кабакова О.В. Конституционная обязанность граждан в России: эволюция правовой регламентации и практика реализации: теоретический и историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 6.

⁹ Каримова Р.Р. Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 11.

¹⁰ См.: Аюбян А.Р. Особенности конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 12.

¹¹ См.: Юнусов Э.А. Правовые обязанности человека и гражданина (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8.

¹² Гончарук Е.В. Институт основных обязанностей человека и гражданина в конституционном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

³ См.: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 226. Иногда понятие юридической обязанности определяется через категорию «долженствование» (см.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 11 и сл.).

⁴ Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 60; Ткаченко Ю.Г. Социалистические правоотношения. М., 1961. С. 5; Её же. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.

⁵ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 303.

Но именно этот подход, продолжающий давнюю отечественную традицию интерпретации конституционных обязанностей вне природы и сущности их юридического источника и вполне адекватный полицейскому государству, не способен ответить на потребности конституционного регулирования, обусловленные сущностными характеристиками действующей Конституции. Причем проблема не в предпочтениях того или иного, к тому же во многом синонимичного, термина (“долг”, “необходимость”, “долженствование”); главное заключается в том, что порочно само ядро предлагаемой трактовки основных обязанностей как “государственно целесообразного поведения”.

Подобная квалификация конституционных обязанностей, несущая на себе отчетливую печать не критичного позитивизма, безраздельно господствовавшего в отечественной юриспруденции на советском этапе ее развития и продолжающего доминировать сегодня, не укладывается в современную демократическую модель юридической организации взаимодействия личности и общества, конституированную Основным Законом. Проблема не в том, что действующая Конституция РФ внесла существенные изменения в систему позитивных обязанностей граждан, касающиеся как круга, так и нормативного содержания традиционных для отечественного конституционализма обязанностей; в демократическом государстве основные обязанности есть юридическое отражение иного типа конституционного нормирования отношений между обществом, государством и личностью, гражданином, отражающего иной характер самих этих отношений, составляющих один из сегментов предмета конституционного права. В конституционных формах демократии с равенством их участников нет места государственному патернализму, из которого вырастает право государства “на все”. Соответственно, Конституция легитимирует притязания государства к гражданину, в том числе в части ограничения его свободы, но одновременно обязательства государства, субъектом притязаний в отношении которых является гражданин. Права человека — не дар государства, но и обязанности человека — не дар государству.

Не менее важно учитывать особенности субъектного состава конституционного права.

В качестве субъектов конституционного права, с одной стороны, выступает государство как носитель социального порядка, в котором протекает общая жизнь граждан, а с другой — масса индивидуально неопределенных людей и их ассоциаций; в связи с этим смысл Конституции как результата и юридического воплощения общественного согласия заключается во взаимном ограничении государства и личности в целях гарантирования учрежденного ею социального порядка и универсального принципа свободы.

В этой связи конституционные обязанности, как они установлены в действующем Основном Законе, скорее напоминают декларацию принципов взаимоотношений государства и гражданина, которыми установлены виды и пределы допустимых притязаний государства к гражданину и предусмотрены гарантии гражданина от произвола публичной власти, чем строго формализованные юридические предписания с характерными для них атрибутами; это цели, реализация которых служит гармонии в обществе и стабильности государственной бытийности народа; это юридический декалог, обращенный к разуму человека и его нравственному чувству, и одновременно программа деятельности законодателя и критерий ее легитимности.

Соответственно, конституционные нормы об обязанностях имеют своими адресатами государство и человека как сочлена общества и гражданина. С одной стороны, они устанавливают основные направления деятельности и границы усмотрения государства в этой сфере; оно не свободно в определении круга и объема возлагаемых на гражданина обременений, их источник — не воля государства, а надпозитивная воля общества. Конституция тем самым преодолела традиционную для отечественной практики конституционного нормирования обязанностей тенденцию к абсолютизации коллективного начала. Она определила имманентные пределы свободы индивида и возложила на государство обязанность действовать совместимым с Основным Законом образом; в основных обязанностях заключена правовая основа деятельности законодателя, и в этом смысле они обладают программным характером.

С другой стороны, эти нормы устанавливают конституционные обязанности как общие стандарты поведения личности, которые

законодателем должны быть индивидуализированы и наполнены конкретным юридическим содержанием; это те потенциальные тяготы, которые соответствуют общему благу и нравственным началам, на котором зиждется общество. В этом смысле эти обязанности можно квалифицировать как общее указание на “вид” поведения “гражданина вообще”, “мера” которого, как и ответственность конкретных носителей за ее несоблюдение, устанавливается парламентом.

Иными словами, Конституция определяет подлежащие защите основы государственной бытийности общества и его нравственные устои, но они не соотнесены с определенными субъектами и не составляют предмета детализированного нормирования; это входит в полномочия законодателя. В этой связи основные обязанности есть санкционированные Конституцией образцы (стандарты, типы, формы, модели) поведения индивида, проистекающие либо из велений морали (воспитание детей, забота о родителях, защита Отечества), либо из государственной природы человека (уплата налогов, несение военной службы), состоящего в гражданстве государства или пребывающего на его территории и в силу этого находящегося под его юрисдикцией. Они служат согласованию универсального надпозитивного принципа свободы с защищаемыми Конституцией интересами других людей в их совместном существовании на основе взаимности и равной свободы. *Носителем таких интересов является совокупность сочленов государства в их единстве, а субъектом притязаний — государство.*

Важно подчеркнуть, что конституционные обязанности определяют мотивацию государства как формы сосуществования людей, а не преследуют какие-либо оторванные от общества цели, какими бы “государственно целесообразными” или “разумными” ни казались возлагаемые на граждан во имя их достижения тяготы. Наука не может своим авторитетом легитимировать увязку обязанностей человека и гражданина с внеконституционной идеологией и политическими целями, в том числе централизацией, многим кажущейся простой и самой эффективной гарантией единства и целостности федеративного государства, или корпоративными интересами бюрократии.

Такая увязка ведет не к формированию правового государства, во взаимоотношениях

с которым личность выступает в качестве равноправного партнера, а всецельной бюрократии, над которой утрачивается всякий общественный контроль. А сами обязанности из публично полезных обременений, вытекающих из коллективного бытия людей и выполняющих гарантийные по отношению к интересам и правам других людей и общества в целом функции, приобретают характер повинностей в интересах бюрократии, отождествляющей себя с государством.

Именно такое увязывание является источником противоречия между закрепленной в Конституции солидаристской концепцией обязанностей и социальной практикой, которое, в свою очередь, ведет к противостоянию государственного аппарата личности и ее ответной реакцией. Во многом как раз этим предопределена неистребимая тяга абсолютного большинства из нас к законности в принципе, сопровождаемая одновременно удивительной изобретательностью в поиске способов обойти закон или “договориться”, часто небескорыстно, с теми, кто призван ему служить!

* * *

Исходная точка осмысления сущности конституционных обязанностей человека и гражданина заключена в самой Конституции как модели социального порядка, в котором протекает общая жизнь сочленов общества, самую фундаментальную основу которого составляет свобода. При этом правам и обязанностям в этой модели отведена различная роль: если конституционное право — это сфера воления, личного самоопределения, притязания индивида, в отношениях с которым обязанной стороной выступает государство, то конституционная обязанность — область легитимизируемых Конституцией притязаний государства и необходимости в ее персонализированной форме.

Причем “необходимость” в данном случае следует понимать прежде всего в качестве всеобщего свойства объективной действительности, имея в виду организацию и функционирование общества и его сочленов. Она обусловлена внутренней природой сообщества людей, законами его возникновения, существования и развития. Закрывающаяся в основной обязанности человека и гражданина необходимость отражает объективную и устойчивую, имманентную взаимоотношениям

ям личности и общества, гражданина и государства, а также существенную по своему значению связь, основывающуюся на публичном интересе в сохранении государственного единства общества и перманентном воспроизводстве его правовых и духовно-нравственных оснований¹³.

Она не случайно привнесена в сферу организации отношений личности и общества, гражданина и государства, напротив, конституционная обязанность есть юридическая форма персонализации общественной необходимости. Отсюда следует объективная обусловленность обязанностей человека и гражданина с точки зрения рациональной организации и стабильного функционирования общества и его прогресса. Именно в этом контексте термин “необходимость” в его различных лексических формах присутствует в Конституции РФ (ст. 55, 74, 132). Тем самым Конституция преобразует объективную и устойчивую связь личности и общества в юридическую необходимость, т.е. связанность личности конституционным правопорядком.

В равной мере закономерно привлечение в эту сферу категории долга, генетически вырастающей из этики и составляющей универсалию культуры. Необходимость есть сущность конституционной обязанности, долг — восприятие этой необходимости общественным и индивидуальным сознанием. Причем термин “долг” при характеристике статуса человека и гражданина встречается в тексте

Конституции дважды — в ч. 3 ст. 38 (“Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях”) и ч. 1 ст. 59. В последнем случае этот термин использован конституционным законодателем в сочетании с термином “обязанность” (“защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации”). 11 раз Конституция пользуется термином “должны”, “не должны” (ст. 15, 17, 21, 55, 56, 90, 92, 93).

В данном контексте конституционный долг есть та же правовая необходимость, вытекающая из нравственного закона, получившего конституционное признание. Отсюда следует, что категория долга имеет не только этическое, но также и юридическое значение и требует своего осмысления в науке конституционного права; она сопрягается с категорией обязанности, но не сливается с ней; выступает ее этическим насыщением; является выражением привнесения в сферу конституционного регулирования нравственных начал; указывает на ценностные ориентиры, подлежащие особой заботе человека и гражданина и правовой защите, — родители и Отечество, и не ограничивает личность в выборе способов и форм заботы трудоспособных детей о нетрудоспособных родителях, нуждающихся в такой заботе, или защиты Отечества. Не государство диктует этические нормы поведения, но Конституция, основывающаяся на общественном согласии, в качестве общеобязательного веления закрепляет выработанные тысячелетним развитием общества и воспринимаемые общественным сознанием в качестве единственно возможных стандартов поведения этические нормы и принципы.

Конституционное закрепление долга не лишает человека свободы выбора (воспитание детей, забота о родителях, защита Отечества), но такая свобода охватывает сферу вариантов поведения, способов его реализации; Конституция закрепляет непреложность нравственного долга и тем самым — реализацию гуманной сущности человека в отношении детей и родителей, других людей, коллективных образований, общества в целом. Этому служит вменение Основным Законом “золотого правила нравственности” — поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе, в обязанность граждан (ч. 3 ст. 17).

¹³ Против такой трактовки необходимости выступал С.Ф. Кечекьян, полагавший, что выраженная в обязанностях необходимость не связана с действующими в природе и обществе закономерностями, соответственно, речь можно и нужно вести в сугубо юридическом смысле как необходимости, диктуемой законом (см.: *Кечекьян С.Ф.* Указ. соч. С. 61).

Вполне адекватное позитивистской доминанте отечественного права на советском этапе его развития это понимание продолжает едва ли не безраздельно господствовать по настоящее время. Как писал Л.Д. Воеводин, “правовая необходимость полнее всего раскрывает существо юридической обязанности. Она, с одной стороны, указывает, что эта обязанность существует и развивается в рамках должного, установленного законом и обеспечиваемого государством поведения. С другой же стороны, она выражает содержание обязанности и присущую ей специфику” (см.: *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: учеб. пособие / отв. ред. Н.А. Богданова. М., 1997. С. 136). В числе немногих исключений — труды Е.А. Лукашевой, которая определяет юридическую обязанность как “объективно необходимое, должное, возможное поведение человека” (см.: *Лукашева Е.А.* Общая теория прав человека. М., 1996. С. 37).

* * *

Конституционные обязанности — это обязанности основные, они закреплены в Конституции и опосредуют наиболее существенные, учредительные по своему характеру отношения и связи между государством и его гражданами. Они являются объективно необходимым и закономерным свойством государственной организации общества, имманентны государственно-организованному человеку, живущему в сообществе других людей и подчиненному определенному правопорядку, и сами являются элементом этого правопорядка. Без взаимных обязанностей и ответственности государства и личности, коррелирующих их правам, немыслима социальная солидарность как баланс во взаимоотношениях самих граждан, так и в их взаимоотношениях с государством.

Этим предопределяются цели, функции и особенности основных обязанностей. Они занимают доминирующее положение во всей системе юридических обязанностей и оказывают определяющее воздействие на эту систему. Причем государство в этих отношениях выступает, как писал Л.Д. Воеводин, “в строго определенном качестве”, а именно: “охватывающей всех граждан политической организации, а не в виде своих агентов — многочисленных органов, действующих от его имени”¹⁴. Что же касается человека, он в этих отношениях выступает еще не в качестве лица, требование к которому индивидуализировано и гарантировано возможностью принуждения, а в качестве сочлена государства, принимающего на себя в соответствии с Основным Законом определенную долю тягот во имя общего блага.

Следовательно, святость этих потенциальных тягот, обусловленных государственной бытийностью народа, проистекает не из воли законодателя, а из общественного согласия, выражением которого является Конституция; соответственно, в этих отношениях личность в ее взаимоотношениях с государством, как неоднократно подчеркивалось Конституционным Судом РФ в его постановлениях, рассматривается как равноправный субъект¹⁵.

¹⁴ Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 156.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 1995. № 19, ст. 1764; 1998. № 28, ст. 3393.

В связи с этим представляется ошибочным утверждение, что в конституционных правоотношениях, “как правило, стороны подчинены, зависимы” (см.: Таева Н.Е.

Основные обязанности в структуре действующей Конституции РФ отражаются не только в главе второй, но и в первой; они не образуют особую систему внутри Основного Закона или наряду с ним, а находятся в системной связи как с правами человека, на что традиционно обращают внимание, так и с публичной властью и институтами гражданского общества, а также между собой.

Отсюда в том числе следует, что основные обязанности не обладают собственной системой ценностей, они связаны с общей системой ценностей Конституции и выполняют гарантийную роль по отношению к этой общей системе конституционных ценностей. Ценность самих обязанностей предопределяется тем, насколько они способны гарантировать государственную бытийность России, основы ее конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, оборону и безопасность государства, гражданский мир, баланс индивидуального и коллективного в организации и функционировании социума и т.д.

Ценностный взгляд на Конституцию имеет критериальное значение в качестве мерила интерпретации пределов основных обязанностей, обязательных для государства. С широких социально-юридических позиций такая интерпретация должна быть соразмерной защищаемым этими обязанностями ценностям Конституции и адекватной содержанию основных прав в том смысле, что, во-первых, осуществление гражданских и политических прав, а также экономических, социальных и культурных прав не может быть обусловлено предварительным исполнением обязанностей; во-вторых, обязанности не могут “нейтрализовать” основное содержание конституционных прав; в-третьих, мера ответственности за неисполнение или несоблюдение обязанностей не может устанавливаться произвольно, но должна быть пропорциональной иерархии конституционных ценностей, а также целям,

Нормы конституционного права Российской Федерации. М., 2010. С. 10), поскольку тем самым игнорируются учредительная природа Конституции и особенности предмета и метода собственно конституционного регулирования. “Подчиненность, зависимость сторон” — необходимое и закономерное следствие индивидуализации конституционных велений законодателем в принимаемых им актах и возникающих на их основе правоотношений, участниками которых являются не гражданин вообще и государство, а конкретное лицо и орган либо агент государства.

преследуемым обществом при установлении конституционных обязанностей.

Вот почему столь важна конституционная трактовка основных обязанностей как части Конституции и сквозь призму ее единства, имея в виду смысл Основного Закона как нормативного выражения государственного правового порядка с присущей ему системой ценностей, в которой доминирующее положение занимает человек; именно человек есть цель, а устанавливаемый Конституцией порядок есть средство, и всякая их подмена независимо от мотивации является нелегитимной и антиконституционной. Иное видение, каким бы привлекательным оно ни казалось с позиций коллективистской морали, неизбежно ведет к восприятию основных прав как дара государства и своеобразной платы гражданину за выполнение возложенных на него обязанностей.

Этим не ставится под сомнение принцип единства прав и обязанностей человека и гражданина, а отрицается их *слитность*, характерная для иерархически организованного закрытого общества¹⁶. Этот принцип в его

¹⁶ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. В.С. Степин. Т. 3. М., 2010. С. 139.

Истины ради заметим, что присущий радикально-ригористским взглядам тезис “без выполнения обязанностей перед обществом, государством, перед своими согражданами человек не может пользоваться соответствующими правами и свободами” (см.: Семигин Г.Ю. Российская политико-правовая доктрина. М., 2005. С. 645) достаточно популярен, хотя действующая Конституция не дает для этого никаких оснований.

Опасность этих взглядов существенно возрастает, когда и если они рефлексировать на деятельность публичной власти. В частности, п. 5 ст. 15 Федерального закона от 15 августа 1996 г. “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в качестве одной из мер воздействия на должника, уклоняющегося от исполнения обязательств, наложенных на него судом, предусмотрена возможность временного ограничения его права на выезд из Российской Федерации. Практика реализации данного положения означает право судебного пристава-исполнителя или суда по заявлению судебного пристава-исполнителя установить временные ограничения на выезд гражданина, своевременно не уплатившего административный штраф либо имеющего долги по алиментам, налогам, кредитам, за услуги ЖКХ и т.д., если сумма задолженности превышает определенный порог, как это установлено ст. 67 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” и ст. 32.2 КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

Конституционный Суд РФ в Определениях от 3 июля 2014 г. № 1561-О и № 1563-О выявил смысл положений ч. 2 ст. 30 и ч. 2 ст. 67 Федерального закона “Об исполнительном производстве”, согласно которым судебный пристав-исполнитель вправе вынести постановление о

конституционном выражении не заключает в себе жесткой причинно-следственной связи и не означает конкуренции основных прав и обязанностей; они являются взаимодействующими компонентами конституционного статуса личности и одинаково важны и необходимы для формирования баланса индивидуального и коллективного в организации и функционировании социума и его адекватного нормирования законом. В его строго юридическом смысле единство конституционных прав и обязанностей в демократическом правовом государстве выражается в представительно-обязывающем характере соответствующих конституционных норм и правоотношениях, в которых каждое право гражданина коррелирует определенной обязанности государства и, напротив, каждой обязанности гражданина соответствует право государства.

Именно поэтому демократическое правовое государство, императивом которого являются свобода и права личности, ограничено не только в формулировании каталога основных обязанностей, но и в установлении их нормативного содержания. Пределы его усмотрения обусловлены необходимостью согласования использования конституционного права или свободы их субъектом с правами и защищаемыми законом интересами других

временном ограничении права на выезд должника из Российской Федерации по заявлению взыскателя, если предъявленный взыскателем к исполнению исполнительный документ выдан на основании судебного акта или является судебным актом.

Суд, ограниченный заявленными требованиями, пришел к выводу, что такое регулирование конституционно лишь при соблюдении некоторых условий одновременно с вынесением им постановления о возбуждении исполнительного производства (до истечения установленного в таком постановлении срока на добровольное исполнение должником содержащегося в исполнительном документе требования, а также получение судебным приставом-исполнителем сведений о том, что должник обладает информацией о возбужденном в отношении него исполнительном производстве и уклоняется от добровольного исполнения содержащегося в исполнительном документе требования).

Но даже при соблюдении этих условий остается сомнение, что законодатель выбрал конституционно оправданный способ решения проблемы. Конституция исключает зависимость права человека на собственное волеизъявление и благо от меры его добросовестности в исполнении генетически не связанных с ним обязанностей. Речь не о том, что государство должно равнодушно взирать на неисполнение обязанностей, а о том, что избираемые им формы и способы воздействия сами не могут быть правонарушающими.

лиц, как это вытекает из “золотого правила поведения”.

Будучи в известном смысле вторичны по отношению к правам, обязанности человека и гражданина являются важной характеристикой строя демократического правового государства. Эти обязанности имеют критериальное значение в определении границ государственной власти в ее отношениях с личностью и тем самым гарантируют ее от произвола государства, а государство — от произвола индивида. Одновременно эти обязанности служат важной гарантией принципа правового государства как ценностного материального принципа, который предопределяет возлагаемую на государство функцию обеспечения государственной бытийности многонационального народа России, с одной стороны, и свободы, безопасности, собственности сочленов общества — с другой. Отсюда проистекают долг и обязанности верности гражданина демократии и его участия в установленных законом формах в поддержании правопорядка и отправлении правосудия.

Конституционные обязанности тесно связаны и с принципом социального государства. Они формируют социальную гомогенность, т.е. однородность общества и солидарность его членов, основанную на балансе их интересов, тем самым служат не отдельному лицу, являющемуся субъектом правопритязаний, как это характерно для частноправовых отношений, но являются гарантией общего блага. Именно этот принцип лежит в основе обязывающей силы собственности.

Ценностный взгляд на Конституцию существенно значим для выявления функционального наполнения основных обязанностей, которое предопределяется принципом социального сотрудничества и солидарности, составляющим универсальную объективную характеристику действующего Основного Закона. Речь идет о балансе индивидуального и коллективного как условия эволюционного (а не революционного) развития общества; без такого согласования и сбалансированной интеграции коллективного и индивидуального начал в систему собственности, социальных, политических и юридических учреждений и институтов, этику, составляющей основу свободной лояльности людей и их ассоциаций, устойчивое функционирование общества невозможно. В противном случае солидарист-

ская идея останется риторикой, используемой властью в качестве способа ее дополнительной легитимации или основания для требования односторонней лояльности общества и его сочленов или ее принудительного обеспечения.

В этом смысле обязанности человека и гражданина, если их оценивать в широком социальном контексте, есть часть механизма саморегуляции и саморазвития социума и гарантией от его разрушения. Речь идет об охране и защите конституционного строя России и присущих ему ценностей, составляющих основу справедливой организации и стабильного функционирования общества и государства, т.е. конституированного Основным Законом социального порядка. Отсюда следует, что конституционные обязанности являются нормативной формулировкой ценности порядка, составляющего цель конституционного регулирования.

Таким образом, конституционная легитимация притязаний государства к гражданину преследует, с одной стороны, цель обеспечения прав и свобод других, а с другой — удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. В этой связи Конституция в качестве основных обязанностей закрепляет такие модели социальной жизнедеятельности гражданина, которые согласуются с подлежащими особой правовой защите публичными интересами, составляющими основу коллективной бытийности сочленов общества и государства.

Конституционная институализация обязанностей личности позволяет существенно точнее определить круг возлагаемых на граждан тягот, ограничивая тем самым возможности сужения рамок свободы личности государством; свобода индивида не подлежит ограничениям за пределами притязаний, легитимированных Конституцией. Эти пределы связаны с гарантиями стабильного и согласованного функционирования общества, немыслимого без определенного порядка и внутренней согласованности, разделения труда и функций.

Они обусловлены необходимостью “институционализации свободы” в целях поддержания жизнеспособности демократического общества, его государственного единства и со-

лидарности его членов¹⁷. Здесь недостаточно запретов и ограничений, последние дополняются предметными обязанностями, которые требуют от гражданина постоянного выполнения определенных тягот, причем частично в форме, отменяющей негативную свободу. А это обуславливает государственно-правовое регулирование отношений, которые в прошлом обычно оставались вне государственно-контроля, в том числе в социальной и экономической сферах и в поддержании нравственного здоровья общества.

Функциональное значение конституционных обязанностей заключается также в разграничении сфер свободы самих индивидов и тем самым предупреждении конфликтов. Важнейшее место в таком разграничении имеют зафиксированные в самой Конституции пределы основных прав и их ограничения; ориентирующее значение при этом принадлежит упомянутой выше норме ч. 3 ст. 17 положения, в равной мере адресуемого законодательной и исполнительной власти, правосудию, субъектам прав и свобод человека и гражданина: “Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц”. В этом “не должно” заключен нравственный, социальный, психологический, а в исторической ретроспективе и религиозный императив поведения, который в результате конституционного оформления приобретает характер основной обязанности в процессе осуществления своих прав проявлять должную добросовестность и осмотрительность.

Для основных обязанностей характерны некоторые особенности, либо прямо предусмотренные Конституцией, либо вытекающие из ее предписаний. В их основе — принципы демократического правового государства, из которого вытекает правовое равенство граждан, и федерализма, обуславливающего конституирование единства и равенства конституционного статуса человека и гражданина. В свою очередь, равенство является условием их сохранения и постоянного воспроизводства. Это — базовая ценность, составляющая основу правового государства и имманентная ему, заключающаяся в том числе во взаимозависимости членов общества и их ответственности за общество и государство,

сочленами которых они являются. В частности, согласно ч. 2 ст. 6 Конституции РФ каждый гражданин обладает на территории Российской Федерации всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией. Тем самым подчеркивается единство установленного федеральной Конституцией стандарта прав и обязанностей человека и гражданина и его взаимодействие с принципом единства и целостности Российского государства, гарантирующего соблюдение этого стандарта на всей территории России.

Принцип равенства обязанностей отчетливо выражен и в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ: “Все равны перед законом и судом”. Данное положение традиционно интерпретируется как равноправие и в этом смысле — нередко как право на равноправие. В действительности равенство всех перед законом не сводится к праву на равноправие, оно значительно богаче по своему содержанию и означает также право на равенство обязанностей.

Все люди равны перед законом не только потому, что имеют одинаковые права и свободы, но и потому, что никто не может быть освобожден от обязанности следовать требованиям закона. В данном положении также содержится запрет каких-либо привилегий в применении закона и устанавливается равное правосудие для всех, поскольку никто не может быть освобожден от ответственности на равных основаниях со всеми иными лицами за совершенное правонарушение.

Таким образом, конституционный принцип равенства означает на современном этапе развития отечественной государственности именно равенство в исполнении закона, запрет произвола. Он гарантируется всеобщностью обязанностей и недопустимостью каких-либо привилегий в смысле освобождения от несения обязанностей¹⁸.

¹⁸ Не правда ли, замечательно современна максима Руссо из “Проекта конституции для Корсики”: “Все должны быть готовы выполнить без различия те обязанности, которые возлагает на них отечество. На острове не должно быть никакого иного положения, как положение гражданина, и только оно одно должно заключать в себе все”?! При этом мыслитель два с половиной столетия назад оговаривал, что “всякого рода привилегии выгодны для частных лиц, которые их получают, и ложатся бременем на нацию, которая их дает” (см.: Руссо Ж.-Ж. Проект конституции для Корсики // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 296, 297).

¹⁷ См.: Государственное право Германии. Т. 2 / сокращен. пер. с нем. семитомного изд. / Г. Арним, Р. Бартльшпергер, Г. Бетге и др.; пер. с нем. С. А. Реутовой и др.; редкол.: Б.Н. Топорнин (отв. ред.) и др. М., 1994. С. 211.

Однако этот принцип не препятствует учету особенностей как самих людей (возраст, состояние здоровья, пол, ценностная ориентация в смысле религиозных предпочтений), так и особенностей их социального и профессионального статуса. В частности, существенное влияние на содержание конституционных обязанностей могут оказывать льготы, определенные правовые преимущества, предоставляемые носителям конституционных обязанностей и заключающиеся либо в отсрочке исполнения (отсрочка от призыва на военную службу), либо в уменьшении объема, т.е. сужении пределов конституционной обязанности (облегчение налоговых тягот), либо даже в освобождении от исполнения обязанности.

При этом, в отличие от ограничения прав, законодатель в сфере “ограничения” обязанностей обладает более широкими дискреционными полномочиями, которые, однако, никогда не должны простирались столь далеко, чтобы разрушить равенство всех перед законом и судом. Это означает, что льгота, предоставляемая носителю конституционной обязанности, должна быть: а) объективно обусловлена и распространяться на всех лиц, которые подпадают под признаки соответствующей группы (например, субъекты малого предпринимательства в отношении налоговых льгот или студенты высших учебных заведений в отношении несения военной службы); б) устанавливаться законодателем, а не правоприменителем в индивидуальном порядке; в) отвечать требованиям справедливости; г) быть соразмерной социально оправданным целям, во имя которых она предоставляется. В противном случае под сомнение ставится не “просто” равенство перед законом и судом, но и сама основа, на которой выросло правовое государство и благодаря которому оно непрерывно воспроизводится.

* * *

Без всякого преувеличения можно утверждать, что вопрос о юридической природе конституционных обязанностей во многом и сегодня продолжает оставаться *terra incognita* отечественной юриспруденции. Мы не можем понять специфику конституционного регулирования взаимоотношений личности и общества, не выяснив, являются ли эти обязанности субъективными, накладывающимися на граждан вполне определенные тяготы и

обременения, ограничивающие его свободу, и гарантированные возможности государственного принуждения, либо это объективно-правовые веления, обращенные к законодателю и составляющие программу его деятельности.

Конституция формулирует основные обязанности весьма кратко и скупое. Они понятийно открыты и неполно содержательно определены, их юридическое наполнение — обязанность законодателя. Именно поэтому основные обязанности, в отличие от прав и свобод, Конституцией в качестве непосредственно действующих не квалифицируются; следовательно, прямое действие конституционных норм, нормирующих обязанности, не означает их непосредственного применения, поскольку они обычно нуждаются в конкретизации федеральным законом. А это в контексте настоящего исследования означает, что конституционные обязанности, как правило, порождают правовые последствия для гражданина при условии, что детализированы законодателем.

При этом замечание “как правило” обусловлено тем, что нормативное содержание основной обязанности может выводиться или непосредственно из Конституции, если ее положения в данной части достаточно определены, или устанавливаться законодателем в развивающих или конкретизирующих Конституцию законах. С этой точки зрения первый из двух указанных способов выявления нормативного содержания основных обязанностей явно недостаточен; он эффективен, как правило, при установлении обязанностей-запретов и некоторых предметных обязанностей, источниками которых являются либо сочленство в государстве, либо общественная нравственность (запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели и деятельность которых не идентичны конституционному строю, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию и законы, каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам и др.).

Но и в последних мера субъективного существенно различна. В качестве примера обратимся к долгу и обязанности защиты Отечества (ч. 1 ст. 59 Конституции РФ), которые вопреки нередким интерпретациям не сводятся к обязанности нести военную службу в со-

ответствии с федеральным законом¹⁹. Даже ограничившись буквальным смыслом словосочетания “защита Отечества”, можно сделать несколько выводов, имеющих существенное значение для адекватной интерпретации природы соответствующей конституционной обязанности, ее назначения, способов реализации, а также вектора конкретизации:

во-первых, долг и обязанность защиты Отечества относятся к числу гражданских обязанностей (“обязанностей, вытекающих из российского гражданства”); защита Отечества (как и несение военной службы) есть требование, обращенное к индивиду прежде всего как к сочлену государства. При этом Конституция не препятствует участию иных лиц в защите нашего Отечества (как и несению ими военной службы) при условии, что это допускается федеральным законом и соответствует явно выраженной воле индивида; человек не лишается нравственного выбора, предопределяемого его сыновним отношением к России как к Отечеству, нуждающемуся в защите;

во-вторых, в указанном положении имеется в виду именно защита, т.е. отпор агрессии или иным формам ущемления интересов Родины;

в-третьих, речь идет не “просто” о государстве как корпорации, но об Отечестве — России в смысле страны, многонациональным народом которой как единой государственной гражданской нацией учреждено Российское государство в его современном виде и перед интересами независимого суверенного существования которого должны отступать различия в политических взглядах и социальных предпочтениях, оценки деятельности властей государства и его органов и адекватности их социального служения и т.п.;

в-четвертых, словосочетание “защита Отечества” сопрягается со словами “долг” и “обязанность”, а это означает, что защита Отечества является, с одной стороны, нравственным обязательством каждого гражданина, выступающим в юридически оформленном виде и потому являющимся конституционной обязанностью, с

другой — эта обязанность может быть конкретизирована актами законодателя. Стало быть, формы участия гражданина в защите Отечества могут определяться как законодателем (военная служба), так и в случае агрессии, оккупации и т.д. самими гражданами (партизанская борьба, саботаж решений оккупационных властей и т.п.). При этом именно защита Отечества, продиктованная любовью и уважением к Родине, легитимирует, например, ношение оружия и его использование без специального разрешения против живой силы и техники агрессора, разрушение с целью уничтожения или задержания вражеской армии коммуникаций, партизанскую борьбу, участники которой так же, как и лица, входящие в добровольческие отряды, ополчение и движение сопротивления, наряду с лицами, входящими в состав Вооруженных Сил, согласно Дополнительному протоколу от 8 июня 1977 г. № 1 к Женевским конвенциям о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. обладают статусом комбатантов, т.е. законно воюющих, на которых распространяются законы и обычаи войны;

в-пятых, данная обязанность в части, не поглощаемой несением службы в соответствии с федеральным законом, в равной мере распространяется на всех граждан России независимо от пола, возраста и прочих обстоятельств и может выражаться как в активной, так и в пассивной форме. В частности, природа и нормативное содержание защиты Отечества требуют также учета присутствующего в этой конституционной обязанности запрета коллаборационизма, т.е. сотрудничества граждан с властями агрессора, оказания им помощи в какой-либо форме и проч. Такое сотрудничество не может быть оправдано полем, возрастом, убеждениями, вероисповеданием или другими обстоятельствами;

в-шестых, содержащаяся в комментируемой норме обязанность определяет поведение гражданина не только в связи с угрозами отечественной государственности извне, но и обязывает противостоять любым внутренним угрозам суверенитету, независимости, территориальной целостности Родины, ее конституционному строю, от кого бы они ни исходили.

Значительно более распространен второй способ установления нормативного содержания основной обязанности и ее пределов

¹⁹ Характер дискуссии, состоявшейся по вопросу о соотношении обязанностей защиты Отечества и военной службы, замечательно точно передает стенограмма заседания комиссии Конституционного совещания по доработке проекта Конституции РФ, состоявшегося 17 июля 1993 г. (см.: Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 11. М., 1996. С. 257, 258).

законодателем в принимаемых им законах, детерминированный общим (неконкретным) характером конституционного нормирования обязанностей. Не случайно Конституция, закрепляя основную обязанность гражданина, одновременно содержит оговорку о законе: гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом, а в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой (ч. 2, 3 ст. 59).

Речь идет о конкретизации конституционных обязанностей личности законодателем, т.е. выявлении их нормативного содержания, форм и способов реализации, а также установлении ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение. Именно в этой понятийной открытости конституционных обязанностей, составляющих основу и мотив государственных притязаний, кроется потенциальная угроза их неадекватной конкретизации законодателем, испытывающим сильное влияние различных общественных факторов, идеологических установок и даже субъективных оценок, или судом.

Конкретизация возможна и в отношении конституционных обязанностей, не сопровождаемых оговоркой о законе, если она обусловлена особенностями соответствующей обязанности. В самом деле, согласно ст. 58 Конституции РФ каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. Конституция не содержит специального указания относительно конкретизации указанной обязанности законом, т.е. оговорки о законе, но необходимость такой конкретизации обусловлена ее природой; такая конкретизация в данном случае выступает в качестве определенной гарантии от возложения на личность дополнительного, не санкционированного Конституцией бремени. Причем в данном случае роль общей оговорки о законе выполняет положение ч. 2 ст. 15 Конституции об обязанности граждан и их объединений соблюдать Конституцию и законы.

Конкретизация обязанностей возможна и в форме ограничений прав личности, т.е.

обязанностей-ограничений, допускаемых Конституцией и направленных на обеспечение баланса сталкивающихся конституционных ценностей и целей, в том числе связанных с защитой конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства. При этом Конституция предусматривает два способа ограничения прав и свобод: ограничения прав и свобод человека и гражданина “федеральным законом” и ограничения основных прав “в соответствии с федеральным конституционным законом” (ч. 1 ст. 56). Если в первом случае сам законодатель своим актом в форме федерального закона ограничивает права и свободы, то во втором для реализации допускаемых федеральным конституционным законом ограничений необходимы акты органов исполнительной или судебной власти.

Конституционные обязанности-ограничения сами образуют определенную систему и включают: а) ограничения общего характера. Они касаются общего конституционно-правового статуса и определяют допустимые пределы изъятий из основных прав и свобод и цели, которым такие изъятия должны быть соразмерны (ст. 13, 19, 29, 55 и др. Конституции); б) ограничения основных прав в условиях чрезвычайного положения (ст. 56). Причем сама Конституция устанавливает пределы усмотрения законодателя, следовательно, также исполнительной и судебной власти, перечисляя права и свободы, которые не подлежат ограничению (ч. 3 ст. 56); в) ограничения основных прав и свобод, обусловленные особенностями правового статуса отдельных категорий граждан (должностные лица, военнослужащие, лица, отбывающие уголовное наказание в местах лишения свободы, и т.п.) и их отношений с государством.

В этом последнем случае Конституцией пределы возможных ограничений, как правило, не определены. Они могут устанавливаться законодателем и должны быть оправданы природой этих отношений, а судом проверяются с учетом единства Конституции и ее распространения на всех граждан и необходимости соблюдения законодателем принципа соразмерности этих ограничений (“адекватного баланса”) специальному статусу данных ка-

тегорий граждан²⁰. Такой баланс является не только эталоном, но и превращается в источник легитимации. Законодатель может вторгаться в сферу основных прав, но такое вторжение возможно лишь постольку, поскольку оно необходимо в демократическом обществе и не нарушает неприкосновенности сущностного содержания соответствующего права.

Таким образом, субъективно-правовая природа большинства основных обязанностей носит потенциальный характер, поскольку требует их индивидуализации законодателем в смысле реальных обременений для гражданина. В этой связи акцент на “индивидуально-личном характере исполнения основных обязанностей” не имеет под собой оснований²¹. Эти обязанности, как они установлены Конституцией, представляют собой главным образом объективно-правовые веления; это — обязанности “гражданина вообще” как участника общих конституционных правоотношений, другой стороной в которых является государство в целом.

“Гражданин вообще” многолик, он выступает в различных социальных качествах, в том числе налогоплательщика, человека, убеждениям или вероисповеданию которого противоречит несение военной службы, родителя, ребенка и проч., обязанности которых в конкретных правоотношениях различны по видам и объему заключаемых в них тягот. В связи с этим юриспруденция нуждается в категории,

обобщающей конституционные обязанности человека и гражданина, в каких бы социальных качествах он ни выступал. Такая категория известна самой Конституции, в которой 19 раз в различных словосочетаниях используется термин “лицо” (ст. 15, 17, 24, 25, 35, 36, 41, 43, 46, 49, 53, 55 и др.); это — обязанности лица, т.е. субъекта конкретного правоотношения, другой стороной которого выступают орган государства или должностное лицо с присущими их статусу полномочиями.

Именно в результате их конкретизации федеральным законом конституционные обязанности, составляющие объективные правовые положения, приобретают характер субъективных обязанностей. Юридическим титулом последних является принятый в соответствии с конституционными велениями федеральный закон как правовое основание требовать от гражданина либо иного лица, пребывающего под юрисдикцией Российского государства, определенного поведения; правоспособность как предпосылка к несению соответствующей тяготы; юридический факт, преобразующий правоспособность в юридическую обязанность, гарантированную возможностью государственного принуждения, также предусмотренной конкретизирующим Конституцию федеральным законом²².

До такой конкретизации значение большинства конституционных обязанностей ограничивается главным образом областью правосознания. Что же касается правореализации, то основные обязанности сами по себе могут использоваться как некоторые начала, позволяющие адекватно толковать применяемые нормы права, либо критерии, используемые конституционным правосудием при проверке актов законодателя.

Из изложенного в том числе вытекает, что Конституция не предусматривает принудительного исполнения основных обязанностей, соответственно, в ней не указаны поводы, условия и т.п., при наличии которых эти притязания

²⁰ По справедливому замечанию германского исследователя П. Лерхе, в настоящее время формула “адекватного баланса” получила широкое признание, его значение усилилось не только в качестве всеохватывающей и господствующей предпосылки правомерности законодательных ограничений основных прав. Благодаря этому источнику легитимации в большей степени мотивируется и открывается законодательное пространство для их ограничения (см.: Государственное право Германии. Т. 2. С. 235).

Уместно отметить, что принцип неприкосновенности сущностного содержания основных прав впервые был легитимирован в Основном законе ФРГ (абз. 2 ст. 19), а затем и воспринят Европейской конвенцией прав человека. В результате восприятия и использования этого принципа в практике Суда Европейского Сообщества в Люксембурге и Европейского Суда по правам человека в Страсбурге данный принцип приобрел общее признание, включая конституционное законодательство постсоциалистических государств (см. подробнее: Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. Избранные права. М., 2002. С. 40 и сл.).

²¹ См.: Кемрюгов Т.Х. Конституционные обязанности граждан в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 8, 9.

²² В основе данной конструкции — методология, предложенная моим учителем проф. И.Е. Фарбером (1913–1987), положившим начало саратовской школе конституционного права, воспитанниками которой являются видные ученые — профессора В.Т. Кабышев, Ю.П. Еременко, О.О. Миронов, В.А. Ржевский, Г.Н. Комкова, В.И. Радченко, Т.В. Заметина и др. (см.: Фарбер И.Е. Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе // Правоведение. 1967. № 1; Его же. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974).

обретают правовую силу. В этой связи “возможность применения мер государственного принуждения” вопреки развиваемым в теории права представлениям никак не может быть отнесена к числу их квалифицирующих признаков²³. Но само закрепление конституционных обязанностей свидетельствует о том, что они не противоречат принципу демократического правового государства, причем этим принципом не исключается возможность правомерного применения принуждения.

В конституционной организации общества монополией такого принуждения в качестве средства и способа обеспечения выполнения гражданином возложенной на него обязанности обладает государство. На это важно обратить внимание в связи с двумя обстоятельствами: во-первых, в Конституции нет прямого запрета разрешать споры и конфликты между гражданами насильственными способами; во-вторых, права граждан формулируются в Конституции таким образом, что обязанной стороной выступает не только государство, но и любое иное лицо: “Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения” (ст. 25). Отсюда может возникнуть впечатление, что владелец жилища также обладает правом на принуждение. Но это — иллюзия.

Речь не идет о том, что носитель соответствующего права лишен права на необходимую оборону, права сопротивляться насилию или осуществлять права собственными силами, а также способами, не противоречащими закону. Проблема заключается в том, что в рамках конституционного правопорядка властное принуждение, антитезой которого являются анархия и кулачное право, может осуществляться только государством в лице соответствующих органов или должностных лиц. Что же касается гражданина, он вправе инициировать принуждение.

Именно в этой монополии — основа и гарантия рационального и устойчивого развития государства как способа самоорганизации

общества и главного движителя культуры и прогресса. Из монополии государства на принуждение вытекают его обязанности по обеспечению мира и гражданского согласия и подчинения законам как самого государства, так и всех членов общества на основе равенства последних перед законом и судом.

С этой точки зрения цель государственного принуждения заключается в сохранении и поддержании конституированных Основным Законом форм государственно-правового бытия и утверждении равной свободы в демократическом обществе, которое основано на выражаемой в законе воле большинства, а не меньшинства или даже отдельных лиц. Оно гарантирует безопасность личности, общества и самого государства и является основой стабильности установленных Конституцией социального порядка, а также предпосылкой и условием свободы и прав личности.

Указанная монополия служит не только подавлению насилия, но требует принятия системы мер по его предупреждению. Речь вопреки распространенному заблуждению идет также о воспитательной функции государства, в данном случае направленной на формирование терпимости, отказ от враждебности и т.п.; это не вопрос идеологии в ее традиционном для нашего прошлого понимании, а адекватной интерпретации Конституции, из которой вытекает соответствующая функция государства и его обязанности по ее реализации.

Разумеется, памятуя о том, что в такой монополии сокрыта и потенциальная угроза, поскольку вероятность трансформации государственного принуждения, оправдываемого необходимостью защиты общего блага или абстрактно интерпретируемых конституционных целей и ценностей, в произвол существенно высока, особенно в государствах, недавно воспринявших общедемократические принципы. Как велика и вероятность одобрения и даже поддержки произвола в обществе, краеугольную основу которого в течение столетий составляли коллективистские принципы и представления (“общественное выше личного”), причем нередко в их гиперболизированных формах.

²³ См.: *Корицунова И.В.* Обязанность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19.

**CONSTITUTIONAL LAW AND ITS MAIN DUTIES ARE:
HISTORICAL DEVELOPMENT, LEGAL NATURE
AND PECULIARITIES OF THE VALUATION.
PART II**

© 2018 **B. S. Ebzeev**

The Central election Commission of the Russian Federation, Moscow

E-mail: eb-zeev_bs@mail.ru

Received 15.03.2018

In this part of the article new approaches to understanding constitutional responsibilities are justified, their legal nature and functions are revealed, as well as forms and ways of individualization.

Key words: constitutional duties, duty, the need, for coercion.